

ЖИЗНЬ В АТЕИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.)

В. П. Ключева

Статья посвящена характеристике жизни мусульманского сообщества Тюменской области в 1940–1960-е гг. Приводится информация об открытии и закрытии мечетей, численности мусульман в Тюменской области. Анализируется деятельность исламских духовных лидеров. Рассказывается о методах атеистической пропаганды в отношении мусульман.

Социальная история XX в., религия, мусульмане, атеистическая пропаганда.

Значительную долю религиозной части населения Советского Союза составляли мусульмане. В основном они проживали в республиках Кавказа и Средней Азии, частично — в Поволжье (Татария, Башкирия) и Сибири. Говорить о численности мусульман во второй половине XX в. сложно, велся только приблизительный учет. Для общественности цифры были закрытыми, использовались оценочные данные, например: «По числу последователей ислам в нашей стране занимает второе место после христианства» [Климович, 1966. С. 65]. Председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. А. Пузин в докладе (1964 г.) прямо говорит, что «в нашей печати, в частности, не публикуются данные о количестве действующих и закрытых мечетей, церквей и других молитвенных домов, о количестве верующих» [Советское законодательство...].

Централизованной структурой, в ведении которой находились мусульмане Тюменской области, являлось Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) (с центром в г. Уфе). В 1948 г. на съезде мусульманского духовенства оно было переименовано в ДУМ Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС).

Во второй половине 1940-х гг. в религиозной политике страны в отношении верующих наступают некоторые послабления. Уже с 1944 г. мусульмане получили возможность совершать хадж, хотя число паломников и было жестко ограничено. Тогда же начинают открываться мечети для совершения религиозных обрядов. В Тюменской области первая и единственная мусульманская община была зарегистрирована в 1947 г. в д. Чикча Тюменского района [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 27. Л. 19]. В целом, по информации уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Тюменской области, в этот период насчитывалось не менее 7000 мусульман [Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 11]. Власти опасались, что официальное открытие мечетей повлечет за собой резкий рост религиозных настроений: «Если же принимать в расчет и населенные пункты, где сейчас нет мечетей, и что они будут принимать участие в отправлении молитвенных обрядов, там, где будут открыты мечети, то цифра количества населения (имеются в виду верующие. — В. К.) увеличится в 2–2,5 раза... При разрешении Вами открытия хотя бы одной мечети в области даст большой толчок остальным населенным мусульманским пунктам и подачи ими заявлений об открытии молитвенных зданий и регистрации общин» [Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 14, 17].

Действительно, уже в 1948 г. попытки зарегистрировать общины предпринимали мусульмане Тюмени и д. Новые Юрты (Тюменский р-н), но «эти ходатайства... были отклонены облисполкомом и они не носили настойчивого характера» [Там же. Оп. 3. Д. 884. Л. 29–30]. В следующем, 1949 г. верующие д. Юрт Андреевских (Тюменский р-н), д. Каргалы (Ялуторовский р-н) и г. Ялуторовска также пытались зарегистрироваться и открыть мечети. Им было отказано по разным основаниям. Например, мотивировка отказа ялуторовчанам состояла в следующем: «Специального здания мечети в Ялуторовске нет и не было. В Ялуторовске проживает 90 семейств татарской национальности. Полагая, что из числа общего количества татарской национальности имеются неверующие, постройка нового здания едва ли будет посильной по финансовым соображениям». Вопрос о строительстве мечети должен был решаться в Москве при

условии оформления всех документов заявителями, что не было сделано [Там же. Д. 885. Л. 3–6]. Мечеть в Ялutorовске была построена только в начале XXI в.

Жители Новых Юрт не оставляли попыток официального создания мусульманской общины до начала 80-х гг., когда в Тюмени была зарегистрирована община. Так, в конце 50-х гг. верующие собирали деньги на покупку старого школьного здания, в котором и хотели разместить мечеть. К 1959 г. на эти цели ими было собрано 16 тыс. руб. [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 86–87]. В 1959 г. мусульмане Тобольского района по инициативе муллы Рябикова собирали подписи и пожертвования для открытия мечети [Там же. Д. 35. Л. 24].

Многие татарские населенные пункты испытывали необходимость в легальной деятельности мечетей. В конце 40-х гг. в области насчитывалось 88 незарегистрированных мечетей [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 14]. Однако численность незарегистрированных общин со временем снижалась, к началу 1960-х гг. их было всего 16 [Там же. Оп. 4. Д. 370. Л. 10–25]. Причиной этого мог послужить как новый виток атеистической пропаганды, так и активная работа спецслужб.

В 1950-е гг. в Чикче сформировался своеобразный мусульманский центр, что объясняется существованием официально действующей организации. Здесь прихожан было немного, в 1957 г. их насчитывалось 15–25 (мужчины пожилого возраста) [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 29. Л. 27], в 1961 г. максимальное количество верующих достигало 60 чел. [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 370. Л. 15], а 1965 г. на крупные праздники собиралось до 35 чел. [Там же. Д. 436. Л. 152а]. Скорее это объясняется тем, что деревня не была крупным населенным центром, а мечеть посещали только сельские жители.

Весь период существования мусульманской общины в Чикче ее возглавлял мулла Мухамедриза Хасанов. Он же был председателем мутаваллиата (исполнительного органа мечети). Можно предположить, что это был энергичный, несмотря на возраст (в 1947 г. ему исполнилось 65 лет), духовный лидер. Его харизматичность подтверждалась и оппонентами: журналистами и лекторами-пропагандистами. В течение 1963 г. он, будучи уже в преклонных летах (81 год), выступал более 50 раз с проповедью и его выслушало не менее 1500 чел. [Фахрутдинов, 1964. С. 3]. Судя по сохранившимся источникам, Хасанов «распространил деятельность мечети за пределы установленного при регистрации прихода», т. е. регулярно выезжал за пределы деревни. Например, в 1958 г. он руководил обрядами в деревнях Муллаши и Акияры (Тюменский р-н), куда приехало не менее 40 верующих, а в 1960 г. участвовал в освящении домов в Новых Юртах [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 148, 157].

В конце 1960-х гг. чикчинская мечеть была закрыта. Ликвидации мечети предшествовала активная антирелигиозная работа, которую возглавил Кабир Фахрутдинов, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. Был создан штаб атеистов, активисты которого приезжали в деревню по пятницам, после намаза проводили беседы с верующими. В клубе несколько раз устраивались антирелигиозные вечера для стариков и домохозяек, так как именно они были целевой группой «атеистического наступления». В результате этой работы — а возможно, этому способствовало и общественное настроение — мечеть была закрыта, мусульманская община ликвидирована.

Обрядовой деятельностью среди мусульман руководили как бывшие муллы, так и муллы, выбранные самими верующими: «в некоторых деревнях с исключительно татарским населением, отправление ритуалов среди верующих, в частности «обрезание», совершают нелегально избранные верующими муллы» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 14, 29–30]. Выборные муллы назывались контролирующими органами «нелегальными» и характеризовались как «сохранившаяся часть духовенства и просто мусульманские «авторитеты» — самозванцы», которые «отправляли религиозные обряды, организовывали молитвенные сборища, подворные обходы с чтением корана и ритуальными угощениями» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 156]. Такие неподконтрольные духовные лидеры воспринимались как потенциальная опасность, как могущие стать распространителями «антисоветских настроений». Кроме того, деятельность незарегистрированных мулл (также в документах обозначавшихся как «бродячие» муллы) вызывала серьезные опасения административных органов. Властей заботило, что подобная деятельность не могла «контролироваться и изучаться райгорисполкомами», это было нарушением законодательства о культах [ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1657. Л. 20]. В конце 1950-х гг. в области было не менее 30 (в некоторых документах упоминается и 40) мулл, которые активно действовали в татарских и казахских населенных пунктах. Там, где проживали казахи (Ишимский и Казанский

Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.)

р-ны), своеобразным «окормлением» единоверцев занимались имамы из Кокчетав и Петропавловска. По информации К. Фахрутдинова, они «участвуют в религиозных церемониях, открыто проповедуют коран. Некоторые жители аулов вносят в кассу мечети огромные суммы денег» [1967. С. 5].

Сначала, в 1940-е гг. «нелегальные» муллы старались придать законный статус своей деятельности. Они даже писали заявления в облисполком с просьбой разрешить проводить обряд обрезания вне мечети, самостоятельно. Один из них, бывший мулла Ибатуллин, имел документ, выданный ЦДУМ, подтверждающий его компетенцию [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 885. Л. 5]. Информации о подобных инициативах в более поздний период не обнаружено.

Официальный мулла чикчинской мечети Мухамедриза Хасанов старался каким-либо образом координировать действия таких мулл. В информсправке по мусульманским религиозникам (так в источнике. — В. К.) дается следующая характеристика его деятельности: «по существу легализовал незаконную деятельность нелегальных мулл и превратил их в своего рода филиалы мечети в области. Он официально организовал ежегодное получение от них сборов в пользу мечети, а они в свою очередь назначали специальных сборщиков денег» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 158]. Фактически Хасанов нарушал инструкции ДУМЕС, согласно которым он должен был всячески препятствовать религиозной активности: «исполнительный орган религиозного общества следит и в необходимых случаях принимает меры к недопущению совершения религиозных обрядов не зарегистрированными муллами в его приходе и об их деятельности сообщает в духовное управление» [Там же. Л. 157].

Сохранились имена некоторых мулл. На рубеже 50–60-х гг. в Тюмени роль муллы исполняли К. Тимранов, Ю. Юсупов, Б. Муллачанов, М. Канафеев, Ш. Ташкаев, Б. Шакиров. Во многих татарских деревнях Тюменского района были свои религиозные лидеры: в Ембаево — С. Абдуллин и А. Муслимов, Каскаре — А. Теляшев, Муллашах — А.-С. Нурмухаметов и др. [Там же. Л. 160].

В населенных пунктах проведение религиозных обрядов могло различаться. В некоторых деревнях верующие собирались еженедельно. Встречались случаи, когда молитвенные собрания проводились в частных домах. Например, в д. Новые Юрты муллой М. Канфеевым в доме Амины Ташкаевой была организована своеобразная «неофициальная мечеть». На намаз собиралось от 30 до 50 мужчин, преимущественно пожилых [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 86]. Зачастую верующие собирались от случая к случаю и в дни мусульманских праздников. В справках КГБ о религиозных настроениях чаще всего анализируются ситуации, связанные с празднованием Курбан-байрама, Ураза-байрама и Маулюда. Кроме того, как распространенное явление упоминаются ежегодные «массовые общие ритуальные обеды с молитвами, содержащими обращения к аллаху и просьбами не допускать засухи и поддерживать влагу в почве, посылать дожди и дать обильный урожай» [Там же. Д. 38. Л. 12]. Подобные молитвенные собрания в Тюменском районе проходят до сих пор.

Кроме мулл религиозную веру в среде «этнических мусульман» поддерживали люди пожилого возраста. Они могли читать джума-намаз (пятничный намаз), вести сбор, учет и распределение садака, помогать с отправлением других религиозных обрядов. Подобную роль, но с учетом гендерных особенностей, исполняли абыстаи — «начитанные», уважаемые женщины. Институт «нелегальных» мулл сохранялся весь советский период. Известно, что в начале 80-х гг. в Тюмени было не менее трех выборных мулл, а община старалась поддерживать тесные связи с ЦДУМЕС. Так, в конце 1970-х гг. в Тюмень из Уфы приехал мулла Хужатулла Азаматов [ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1580. Л. 35].

Исламские традиции были достаточно сильно укоренены в жизни так называемых «этнических мусульман», в том числе и татарского населения. Связано это было с восприятием религиозных традиций как составной части национальной идентичности. Во многом такому пониманию способствовало исламское духовенство, объясняющее, что «верность исламу служит достойным доказательством уважения обычаев и национальных традиций татарского народа» [Лагунов, 1964. С. 2]. И в настоящее время встречаются утверждения, что одним из последствий атеистической пропаганды предполагалось разделение национальной и конфессиональной традиций, что било по авторитету властей, так как столпы ислама являются частью национальной традиции [Кабдулвахитов, 2005. С. 156]. Подобные мнения не учитывают того факта, что любая религия внациональна. При этом нельзя не согласиться, что некоторые религиозные обряды воспринимались и воспринимаются до сих пор в первую очередь как национальный обычай. В большинстве случаев это сохранялось в мононациональных (татарских) деревнях. В городах, осо-

бенно молодежь и люди среднего возраста, родившиеся и выросшие в атеистическом государстве, придавали обрядовой стороне меньше значения. И в исполнение обрядов люди не вкладывали религиозного/сакрального смысла, поступая по принципу «так принято, так делали наши родители». Этот факт отмечался и в документах уполномоченного по вопросам деятельности религиозных культов: «Вечерние разговенья (Ураза-байрам. — В. К.) проходили и в тех семьях, которые не являются верующими, но в силу ряда причин (приезд гостей, близких или просто в знак уважения к родителям и их традициям) проводят религиозный обряд разговение» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1414. Л. 4]. В быту верующие старшего поколения объясняли молодежи, что можно не выполнять основные правила ислама (например, ежедневный пятикратный намаз), главное — «сохранять Бога в душе». Соответственно, занимаемое социальное положение и членство в КПСС и ВЛКСМ не должно мешать религии [Кабдулвахитов, 2005. С. 155].

Сохранение религиозных традиций особенно ярко проявлялось накануне праздников и при выполнении семейно-брачных обрядов — никах, имянаречение, обрезание. В документах встречаются упоминания о свадьбах «с соблюдением религиозного обряда» и о проведении «суннат туй» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 29. Л. 27; Д. 38. Л. 148; Д. 39. Л. 6].

Реакция местных властей на подобные мероприятия была индифферентной, часто они не оказывали никакого противодействия. Возможно, и потому, что представители властей сами придерживались подобных убеждений. В материалах КГБ зафиксировано, что «в Тюменском районе имели место факты, когда в религиозных обрядах принимали участие актив села, и даже некоторые члены КПСС, а в ряде случаев такие обряды проводились и в их семьях» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 11]; «такие ритуальные обеды (в честь Курбан-байрама. — В. К.) проводились и в семьях КПСС» [Там же. Д. 33. Л. 88]. Более подробно об этом рассказывается в прессе: «Дело дошло до того, что некоторые коммунисты прямо потворствуют религии, не воспитывают даже членов своей семьи. ...жена коммуниста, председателя группы содействия партгосконтролю Файзуллина Зейнап стала абыстаем (начитанной женщиной) в деревне, исполняет роль муллы» [Фахрутдинов, 1964. С. 3].

Большинство мусульман не имело возможности соблюдать все требования ислама. Как правило, выполняли только утренний намаз, во время уразы постились только три дня (по одному дню в начале, середине и конце месяца). В основном в дни уразы верующие ограничивались уплатой фитр-садака и закята. Такая ситуация во многом складывалась из-за позиции религиозного руководства. Так, в 1950 — начале 60-х гг. ДУМЕС и другие духовные управления издавали фетвы, касающиеся вопросов поста, обрезания, празднования Курбан-байрама и пр. САДУМ в 1952 г. объявляло необязательным празднование, устраиваемое по случаю обрезания, а в 1955 г. дополнило эту фетву справкой, объясняющей, что обрезание не является обязательным установлением для мусульман. В 1963 г. к этому мнению присоединилось и ДУМЕС. Тогда же согласно фетве ДУМЕС предлагалось заменять жертвоприношение на Курбан-байрам деньгами [Петраш, Хамитова, 1966. С. 330–331]. Судя по описаниям Курбан-байрама у тюменских мусульман, замена жертвоприношения финансовыми подношениями если и приживалась, то с большим трудом. Более того, ежегодное празднование по количеству забитого скота могло различаться. Например, в 1958 г. отмечалась «несколько большая активность, при чем больше уничтожается и скота» [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 33. Л. 88].

Борьба с религиозными настроениями среди «этнических мусульман» велась как в прессе, так и силами активистов. Например, в газетных публикациях предпринимались попытки покончить со стереотипом восприятия исламских обычаев как татарских народных традиций, на то же была направлена работа пропагандистов политкружков, действовавших не всегда корректными методами. Так, в колхозе «Коммунизм-га» на заседании политкружка слушатели, начав беседу с вопроса о необходимости открытия мечети, пришли к выводу, что «ислам — наиболее враждебная нашему строю религия. Он воспитывает татар в духе национализма, ненависти к другим народам» [Гильманов, 1960. С. 2]. Насколько искренним был вывод кружковцев, неизвестно. Скорее они проявили внешнее согласие, оставшись при своих убеждениях. Это подтверждается прежде всего тем, что на территории колхоза «Коммунизм-га» располагалась зарегистрированная мечеть. И в информсводках КГБ часто упоминаются колхозники, уличенные в исполнении религиозных обрядов.

Свои способы борьбы с «религиозным дурманом» предлагали журналисты. Наиболее эффективным способом должна была бы стать антирелигиозная пропаганда, включающая в себя лекции по научному атеизму и вовлечение в общественную деятельность верующих и их детей.

Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.)

Но зачастую религиозные проповедники успешно конкурировали с лекторами и пропагандистами. Например, в 1963 г. М. Рахмангулова каждую пятницу обходила дома в д. Янтык, призывая благословение Аллаха. Нелегальный мулла Б. Рахмажулов часто приезжал в д. Каскару с религиозной литературой и для исполнения обрядов. Их оппоненты — сельские педагоги, библиотекари — значительно реже выступали с лекциями. Например, ембаевская лекторская группа, в которую входило 27 чел., за целый год прочитала лишь одну лекцию по атеизму [Фахрутдинов, 1964. С. 3]. Несомненно, это свидетельствует о формальности атеистической работы.

Газетные материалы были достаточно действенной антирелигиозной мерой. Органы КГБ отмечали «некоторый спад в организации нелегальных сборищ». Духовным лидерам было неприятно читать полемические статьи в свой адрес. Например, после опубликованной в 1959 г. в газете «Красное знамя» статьи о муллах М. Канафееве и Ташкалове первый из них «продолжительное время старался не выходить из своего дома», а другой уехал в Среднюю Азию [ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 35. Л. 23–24]. Как метод борьбы использовались обсуждения публикаций на собраниях, на которых от обсуждаемых требовали «прекращения незаконной деятельности» [Там же. Д. 38. Л. 162–163].

Интересно отметить, что исламские традиции (как и православные) оказались более живучими, чем иные религиозные обряды. Если ситуация, когда человек, будучи включенным в общественную жизнь, крестился или приходил на пасхальный крестный ход в православную церковь, пусть не была распространенной, но встречалась, то «протестантские деноминации — общественная жизнь» вообще несовместимы. Вместе с тем нередки факты, когда отец учительницы, секретаря парторганизации являлся «нелегальным» муллой или в доме председателя колхоза и председателя сельсовета праздновались Ураза-байрам и Курбан-байрам. Видимо, такая сохраненность исламских традиций и позволила в начале 1980-х гг. добиться регистрации общин и открытия мечетей в Тюмени и Тобольске.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 884, 885. Оп. 6. Д. 1414. Оп. 4. Д. 27, 370.

ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 29, 33, 35, 38, 39.

ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1657, 1580.

Гильманов А. Вопрос не по программе // Тюм. комсомолец. 1960. 3 февр.

Лагунов Н. Человеку не по пути с богом: о некоторых вопросах атеистического воспитания // Тюм. правда. 1964. 5 февр.

Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением: (Докл. Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. А. Пузина на совещании идеологических работников республик Средней Азии 5 февр. 1964 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://forum.bakililar.az/index.php?showtopic=17921>, свободный.

Фахрутдинов К. Бой — стихия атеиста // Тюм. правда. 1964. 19 июля.

Литература

Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов. Тюмень, 2005. 240 с.

Климович Л. И. Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // Вопр. научного атеизма. М., 1966. Вып. 2.

Петраш Ю. Г., Хамитова Р. М. К характеристике процесса модернизации современного ислама в СССР // Там же.

Фахрутдинов К. Х. Религия и человек: из опыта тюменских атеистов, работающих среди мусульман. Свердловск, 1967.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to describing life of a Moslem community in Tyumen Oblast in the 1940s–1960s, quoting data on the opening and closing mosques, as well as on the number of Moslems in Tyumen Oblast. Subject to consideration being the activity of the Islamic spiritual leaders. The author tells about methods of atheistic propaganda regarding Moslems.

Social history of the XXth c., religion, Moslems, atheistic propaganda.